

Т. А. Черноверская

АНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЯКОБИНЦЕВ и ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Статья предоставлена для сайта *Vive Liberta* Автором ©

Когда речь заходит об античном аспекте Великой Французской революции, многим из нас приходит на ум известная фраза К.Маркса о том что «Камиль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени - освобождение от оков и установление современного буржуазного общества».

Античная традиция присутствует в истории этой революции столь зримо и определенно, что заметна любому, кто хотя бы слегка соприкоснется с нею. Достаточно взять в руки любое иллюстрированное издание, каких немало было выпущено к ее юбилею, чтобы увидеть систематическое использование античных символов, атрибутов, аллегорий во всех сферах - от оформления празднеств и публичных зданий, до предметов повседневного обихода; достаточно пролистать тексты речей, газетных статей, политических трактатов и даже законопроектов, чтобы заметить, сколь активно их авторы обращаются к идеям и принципам, восходящим к античности, призывают в свидетели или приводят в качестве примеров героев древнегреческой или римской истории...

Тем не менее предметом специального исследования проблема взаимодействия Французской революции с античной традицией становится нечасто; более того - все три автора больших работ на эту тему - Гарольд Паркер, Жак Буино и Клод Моссе - являются прежде всего историкам Античности, а не Революции. Для них эта проблем имеет, так сказать, историографический характер, и предметом исследования является античная традиция, как она была воспринята в эпоху Французской революции - а не особенности, своеобразие преломления этой традиции в революционной Франции конца XVIII века. Между тем, для более адекватного прочтения текстов, вербальных и невербальных, которые оставила нам Французская революция, оказывается необходимым как выявление и анализ способов восприятия, интерпретации деятелями этой Революции идей и образов, восходящих к античной традиции, включения их в собственную дискурсивную практику, - так и собственно расшифровка этих образов и реминисценций, как правило непонятных, а зачастую и незаметных для современного читателя, не получающего классического образования.

Сложность обеих задач возрастает по мере того как мы удаляемся - во времени и пространстве - от той Революции. Так, комментируя в конце 50-х годов речи и доклады Л.-А.Сен-Жюста, известный французский историк [Альбер Собоуль](#) не счел нужным давать пояснения к встречающимся в них именами древних греков и римлян, полагая очевидно, что для образованного француза они и без того знакомы. Между тем в этих текстах античные аллюзии не ограничиваются именами и теми образами, с которыми они связаны. Например, известная формула из доклада Л.-А.Сен-Жюста «О Революционном порядке управления», что «вы должны карать не только изменников, но и равнодушных; вы должны карать тех, кто остается бездеятельным в Республике, кто ничего не делает для нее», приобретает несколько иное звучание для тех, кто воспитан на Плутархе. Они же непременно вспомнят, что она отсылает нас к древнегреческому реформатору Солону, одним из нововведений которого был «закон, требующий отнятия гражданских прав у гражданина, во время междоусобия не примкнувшего ни к той, ни к другой партии. Но Солон, по-видимому, хочет, чтобы гражданин не относился равнодушно и безучастно к общему делу... он, напротив, хочет чтобы всякий гражданин сейчас же стал на сторону партии, защищающей доброе, правое дело, делил с нею опасности, помогал ей, а не дожидался без всякого риска, кто победит».

С другой стороны, оторванность от классической традиции исследователей, занимающихся отечественной историей, не позволяла им в течение долгого времени обнаружить в творчестве А.Н.Радищева прямых откликов на события Французской Революции в целом, и на Якобинскую диктатуру в частности: «Всего один раз помянул он Робеспьера, да и то не специально, а мимоходом, повествуя о давних временах - кровавом правлении римского тирана Суллы:

*Нет, ничто не уравнился
Ему в люлости толикой,
Робеспьер дней наших разве», -*

отмечает Е.Г.Плимак. Самому ему удалось найти такой развернутый отклик в «Песни исторической», прочитав его в «Римских» сюжетах. Между тем для Радищева это не было даже шифровкой, эзоповым языком - достаточно вспомнить в качестве примера публикацию Н.М.Карамзиным в 1798 г. в издаваемом им журнале «Пантеон иностранной словесности» - «Истории Французской Революции, избранной из Латинских Писателей», где об основных в его представлении событиях Революции было рассказано при помощи цитат из Светония, Саллюстия, Тацита и других.

Обращение французских революционеров к античной традиции может быть уподоблено обращению их предшественников в Германии, Нидерландах, Англии - к традиции раннехристианской; - или позднее - тому как, например, социалисты 30-40-х годов XIX века отыскивали в текстах далекого и близкого прошлого прообразы собственных идей; или тому, как в первые годы Советской власти русские большевики обращались к идеям и традициям Великой французской революции. И даже тому, как Гракхи в Древнем Риме апеллировали к традициям ранней республики. Во всех этих случаях мы сталкиваемся с поиском путей и способов исторической легитимации собственной преобразовательной деятельности, по видимости (и/или в действительности) порывающей с устоями и традициями современного мира.

Для просвещенных французов конца XVIII века такое обращение к Античности представляется вполне естественным - образование, полученное в коллеже, делало для них классические тексты столь же хорошо знакомыми, как и Священное Писание. Г.Паркер, в свое время проанализировав учебные программы более чем десятка учебных заведений, главным образом коллежей, в которых обучались будущие известные деятели Революции, выявил тот круг авторов (главным образом римских) и их произведений, которые должны были быть знакомы подавляющему большинству тех, кто такие учебные заведения закончил. Он же отмечает, что наиболее популярны были авторы, ностальгически описывающие героическое прошлое своей страны - Ливий, Плутарх, Тацит, - которые неизбежно идеализировали это прошлое - республиканский Рим, граждане которого проявляли чудеса доблести и патриотизма, Афины времен Солона или Перикла, Спарту Ликурга. Учитывая достаточно высокий престиж грамотности еще в дореволюционной Франции, тот факт, что дать своим сыновьям хоть какое-то образование стремились не только горожане, но и мало-мальски обеспеченные крестьяне, можно предположить, что античные сюжеты были знакомы значительной части французов именно со школьных лет. Их распространению и популяризации способствовал также театр, самое демократичное из искусств, охотно обращавшийся к классическим сюжетам, делавший их доступными и для той части публики, которая не владела грамотой. Анализ репертуара Парижских театров за 1789-1799 гг., который провел Ж.Буино, свидетельствует о том, что и в эти годы не менее половины «классического» репертуара составляли пьесы древних авторов или их переделки, такие как «Орфей и Эвридика», «Ифигения в Тавриде», «Медея» и другие, но значительное место и при Старом порядке занимали пьесы современных авторов, написанные на сюжеты из древнегреческой или древнеримской истории, поднимавшие проблемы верности долгу, гражданской доблести, например «Брут», «Горации», «Цинна», отсылавшиеся на оппозиционные умонастроения, созревавшие в обществе - и одновременно формировавшие их. Ну а последовательно светская политическая философия Просвещения, взявшая на вооружение античную традицию и развивающая ее применительно к современному обществу, делало эту традицию - предпочтительной по сравнению с раннехристианской.

Этот общий взгляд однако не позволяет интерпретировать тот отмеченный многими исследователями факт, что наибольшее «увлечение» Античностью приходится на период правления якобинцев (и самих якобинцев), а при Директории обращение к античной традиции приобретает достаточно формальный характер. Эмпирические наблюдения в данном случае достаточно хорошо коррелируются с проведенным Ж.Буино статистическим подсчетом частоты обращения к античным сюжетам депутатами всех Национальных собраний с 1789 по 1799 гг., хотя эта статистика и не дает достаточно полной картины. Причем характерно, что среди первых шести депутатов Конвента, возглавляющих соответствующую таблицу, четверо - Робеспьер, Барер, Сен-Жюст и Бийс-Варелл - члены Комитета общественного спасения, чаще других выступавшие с программными докладами. В то же время «практики», такие как Карно, занимавшийся организацией обороны страны, Р.Ленде, ведавший проблемами продовольствия, или Камбон, исполнявший

фактически функции министра финансов, практически не испытывают потребности в апелляции к далеким предкам. Казалось бы, вывод напрашивается: обращение к опыту древних греков или римлян определяется недостатком собственного практически-политического опыта. Об этом, кстати, говорили уже и современники, например, депутат Конвента Эдм Куртуа после термидориадского переворота, насмешливо характеризует Сен-Жюста как «шкелюра», демонстрирующего свою ученость, имея в виду его особенно частое обращение к античным образам.

Однако у депутатов Учредительного собрания практически-политического, законотворческого опыта было еще меньше, чем у депутатов Конвента, но именно депутаты Конвента наиболее охотно используют в своих публичных выступлениях античные реминисценции. Особенно показателен в этом отношении пример Робеспьера или Барера, заседавших в обоих Собраниях, - в своих выступлениях в Конвенте каждый из них втрое чаще обращался к античным образам, чем в Учредительном собрании.

А.В.Гордон отмечает в якобинском обращении к Античности - соответствие этой традиции их социальным исканиям, в которых «сам античный мир предстает ... как некое двуединство, как прообраз гражданского общества, созревшего и эмансипировавшегося в революционную эпоху, и как разновидность воплощенной в греческом полисе и римской *civitas* естественной («природной») социальности». В этом качестве идеализированный образ античного мира и его героев противопоставляется формирующемуся индивидуалистическому обществу. Причем мы можем говорить здесь о двойной идеализации - об идеализированных представлениях о том мире, по которому ностальгировали Плутарх или Тацит. Образ гражданской общины классической древности оказывается особенно привлекательным, поскольку в нем соединяется представление о просвещенности и близости к природе. Адресованные слушателям, подготовленным своим образованием к восприятию этого образа (будь то депутаты Конвента или же значительная часть членов Якобинского клуба), речи якобинских лидеров и были нацелены на формирование у них некоей общности, единства образа мысли и образа жизни, соответствующего этому идеалу. С решением той же задачи связаны и предлагавшиеся депутатами Конвента программы регулярных Революционных празднеств и организация таких празднеств.

Однако едва ли не в первую очередь те, кого Жюль Мишле образно классифицировал как «романтических республиканцев» (республиканцев 1793 года, якобинцев - в противоположность «классическим республиканцам», либералистски настроенным жирондистам) - а среди названных якобинских лидеров это Робеспьер, Сен-Жюст, Бийо-Варенн, - требование единства образа мысли, образа действий и образа жизни предъявляли к самим себе, выстраивая в соответствии с ним собственную жизнь. И с этой точки зрения характеристика, данная им Мишле, как бы подкрепляется наблюдением Юрия Лотмана: для романтизма поэтическим является единство поведения, независимость поступков от обстоятельств. Разумеется, этот романтический идеал не противоречит классицистическому представлению о героизме, совпадая к тому же с принципом «единства действия». Но идеальное поведение героя классицизма реализуется в идеальном же пространстве литературного текста. Попытаться перенести его в жизнь может лишь исключительный человек, возвысившийся до идеала. И потому, предъявляя те же требования к подавляющему большинству граждан, якобинцы вступали в конфликт и с их возможностями, и с уже наметившимися перспективами развития гражданского общества.

В этом контексте рассчитанная «театральность» как публичных выступлений, так и всего образа действий якобинских лидеров, предполагающая предельную искренность, также может рассматриваться как составляющая их политического дискурса.